

1897. 4 мая. № 5605

с. 2.

## Русские мужики

в изображении г. Чехова.

1.

Новый рассказ г. Чехова „Мужики“, напечатанный в апрельской книжке „Русской Мысли“ за текущий год, произвел большую сенсацию среди наших критиков. Они усмотрели в нем своего рода откровение художественной правды и осыпали его самыми восторженными похвалами. Что это доказывает? Это доказывает, что наши привычные ценности и судья окончательно утратили литературный вкус, окончательно забыли хорошие литературные провансы и потеряли всякое эстетическое чутье. Каждый, кто прочтет „Мужиков“ г. Чехова без предвзятых идей, объективно познавая плечом, пробьется панегрия этому, ничуть не заигрательному и в полном смысле заурядному, очерку, написанному в стиле „Власти Тьмы“ графа Л. Н. Толстого и по шаблону покойного Гюста Успенского, Ялаторского и иных подобных беллетристов. В „Мужиках“ г. Чехова мы не найдем ни тонкой психологии, ни мастерски очерченных типов, ни ясно обрисованных характеров. В рассказе г. Чехова незаметно ни заглавия народной жизни, ни наблюдательности, ни юмора, теплоты и поэзии, ни в говорить нечего. Г. Чехов ведет свое неудачное повествование, как заядлый последователь „протокольного“ жанра. Расул одну смену иречине и откровенно другой, г. Чехов, сохраняя все время непоколебимое, сонное спокойствие, — спокойствие человека, ничуть не интересующегося, во всем равнодушного, ничуть не несомнующегося, никого не замечающего. По всему видно, что г. Чехову хотелось быть в высшей степени объективным, но объективность объективности рознь: между объективностью Шекспира и Гете с одной стороны и объективностью Воля и Гюста-Успенского, с другой стороны, — целая бездна. Г. Чехов, судя по всему, полагает, что все честное в том, чтобы писать в духе Гюста-Успенского и по старинке литературно-тенденционных „бросков“, претендуя на фотографическую точность и с аллюбом, возмущающих, что художники тот же фотограф. Но увы! Очерк г. Чехова не выдерживает критики, если даже смотреть на него с „фотографической“ точки зрения. Г. Чехов, очевидно, сивал не с натуры, а с канит то кансенок, при искусственном, в очень неудачном освещении. Фотография должна давать ясное понятие о явлении, фигурах и цыльх групп, на фотографических же карточках г. Чехова ничего нельзя различить: они мутны и сбивчивы и зачастую производят впечатление канит-то темных и грязных пятен, из которых выглядывают там и сям наполовину очерченные мужские и женские силуэты.

В „Мужиках“ чрезвычайно прозаична одна из сцен — изображение гостиницы, Николая Чикалда, расхораса, должен быть оставить место у уха, выйти с женой и дочерью, и родить в деревню. В деревне Николаю дается хуже, он умирает, а его семья идет по миру. Водворив Николая в деревню, г. Чехов забывает о его существовании и устремляет все свое внимание на описание приютов и общины обитателей той избу, в которой жил Николай, и их одиночества. Г. Чехов хотел показать, как живут русские крестьяне. Если ему повезло, так выдалось, что они с утра до вечера пьянствуют, дерутся, сквернословят, лежат на печи, пьют чай и возут безмысленная бессты. Русский простодушный, в изображении г. Чехова, оказывается полуин-

телли, но ни на чем не основан. В действительности случай в нем можно приписать поспеху: „Много аллюбов, мало явлений“. Г. Чехов мог назвать свой рассказ „Классом из мужиков, Деревней из народа, но никак не „Мужиками“. Если г. Чехов хотел прославить Россию и Европу на счет надлежащего понимания русского народного быта, то он, сие-ч его в том, угадывать, не достиг своей цели. Русский народ был прекрасно и верно отражен в рассказе и романах Тургенева, Григорьева, в сочинениях русских этнографов, в некоторых иностранных туристах, серьезно интересовавшихся Россией, (например Ганстауэна, Манкена Уолса и т. д.). Только что названные писатели, таланты и наблюдательность которых стоить и в настоящее время, не искажали и не приукрашивали действительности, а вот мужики не имеют ничего общего с мужиками г. Чехова, кадунавшего протретировать русский народ, с высотами своего интеллигентно-культурного мышления. И напрасно думать г. Чехов, что его очерк проливает новый свет на русский народ. Очерк г. Чехова доказывает только, что у автора нет той внутренней свободы, без которой невозможно художественное творчество и правдивое воспроизведение тех или других бытовых и психологических явлений. Своими очерками г. Чехов доказывает не расхорасность, дикость и тугость русского народа, а свою склонность легкомысленно обращаться с самыми серьезными вопросами и с самыми серьезными проблемами под влиянием мимолетных впечатлений и настроений. С такой склонностью нельзя возмущаться до художественного воспроизведения действительности и пойти дальше фаврикации тенденционных рассказов, славящихся на дубочные картины.

И. Ч.

## Обзор газет и журналов.

„Русь“ отзывается крайнюю неудовлетворительность постановки у нас дела народных развлечений.

Как неудовлетворительно поставлено дело доставления народу возможности невинного времяпрепровождения, в дн доступ, так же еще более неудовлетворительно поставлены все астрономические увеселения, предлагаемые народу. Все эти „труппы“ цирков, фокусники, показывающие „отрубленные головы у человек“, полеты воздушных шаров и т. д., и т. п. — все это расчитано исключительно на шенотание самых низменных инстинктов, на то, чтобы быть по нервач, чтобы возбуждать чувства жадности, безсердечное отношение к ближнему. И такие развлечения действуют пагубным образом на толпу, воспитывая в ней самую отвратительную жалованность. И вот приговаривается при этом случае, низший в сто лет назад. Как-то „вирюатка“ являлась в этот город и объявила полет воздушного шара. Началась масса желающих посмотреть на то, как несчастная женщина полетит, одна на трапезу, подвешенной к пшари, напомянутому горячий воздух. Когда шар начался подниматься, что делалось, как всегда, благодаря тому, что шар держали валь горящей солоной, шар испустил, и его два потухли. И вот, когда воздушный шарик не решился подняться на обожженный шар, толпа просто обожгла от ярости. В один миг рйметка города сего села была снесена толпой и в сад бросились обезумевшие люди, обжигавшие твта, что их ампля случай получить грубое верное возмуждение, и стали искать „аваранту“, чтобы расправиться с нею по своему, и несчастная была спасена от безумной толпы.

Во влучшем из изображений народных „веселых“ и „дн. пр.“ — дн. мы находим уже не рассуждений по сему поводу, а фотографию действительности сцену с натуры.

Вот „балатный дн“. Одн он в лохотня, голос ослеп от орания и водки, сив он полуголый (из какой ситый поидет в эти жаркие шуты) и остроумие его вертится все около пьянства, участка и голода. Иной пьяный подмастерье придушает себя даву — бросит в дн орзойной скорлупой, а то и просто плюнет на него „на царя“, и вот дн истить ему, вымривавя: — Что бросаешься?

Аль лучше меня считаешься?

Ты и лот и пиджак носишь.

А сам, помалуй, к вечеру Христа-ради попросишь...

Когда мастеров отзывается дн нечестной бранью, тот вымывает глов, второй нумер.

— Эх, ты: в Питер 2 дн, а в 4-й участать прописань...

Грустно становится за людей, вымуж-

1. В. М. Мухоморов. Г. Чехов дал „го-  
вую“ очерку название „Мужики“, напечатан  
в „Русской Мысли“, что вл. это произведение  
является все многоплановым Русь,  
и тем самым разбогател по ней  
и в дн. Притом г. Чехов